

DOI 10.37882/2223-2982.2020.09.04

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА 1950-1953 ГГ. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ¹

KOREAN WAR 1950-1953 IN PERCEPTION BY RUSSIAN ÉMIGRÉ PRESS

A. Antoshin
V. Antoshin

Summary: The article identifies and analyses the propaganda strategies implemented in Emigre media publications on the Korean War. The article is devoted to the materials of State Archive of Russian Federation, journals "Sotsialistichesky vestnik" (New York), "Chasovoy" (Brussels), "Pravoslavnaya Rus" (Jordanville) etc. The article represents different ideological attitudes of Russian emigres. The authors prove that emigres-anticommunists led to the escalation of tension in the world.

Keywords: Russian emigres, mass-media, Cold War, Korean War.

Антошин Алексей Валерьевич

Д.и.н., профессор, Уральский федеральный университет
alex_antoshin@mail.ru

Антошин Валерий Алексеевич

К.ф.н., профессор, Уральский институт управления-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация: В статье выявляются и анализируются пропагандистские стратегии, реализованные в публикациях эмигрантских средств массовой информации, посвященных проблематике Корейской войны. Статья основана на материалах Государственного архива Российской Федерации, журналов «Социалистический вестник» (Нью-Йорк), «Часовой» (Брюссель), «Православная Русь» (Джорданвилль) и др. В ней представлены идейно-политические установки различных эмигрантских группировок. Авторы доказывают, что антикоммунистическая эмиграция подталкивала политическую элиту США к эскалации международной напряженности в начале 1950-х гг.

Ключевые слова: русская эмиграция, средства массовой информации, холодная война, Корейская война.

Проблематика истории Корейской войны продолжает привлекать внимание исследователей во всем мире. Данное событие стало одной из высших точек эпохи холодной войны, периодом, когда человечество, казалось, очень близко подошло к началу нового глобального военного конфликта – Третьей мировой войны. Поэтому неслучайно, что события на Корейском полуострове привлекали пристальное внимание средств массовой информации во всем мире, в том числе газет и журналов, издававшихся российскими эмигрантами-антикоммунистами. Между тем, идейно-политические установки российской эмиграции в условиях Корейской войны пока еще не становились объектом специального изучения.

Следует признать, что для значительной части российских эмигрантов-антикоммунистов в период Корейской войны были характерны пораженческие настроения. В случае начала нового глобального конфликта, полагали эти эмигранты, Зарубежная Россия должна была так или иначе встать на сторону Запада. Опровергая возможные обвинения в том, что такая позиция расходится с патриотическими установками, старый рус-

ский либерал, бывший член ЦК кадетской партии князь В.А. Оболенский заявлял: «Если теперь мы видим, что Сталин начинает Третью мировую бойню не в интересах нашей родины, а для вящего порабощения народов России и всего мира, мы не только считаем себя вправе, но чувствуем себя обязанными быть пораженцами» [13].

Даже «крайняя левая» российской эмиграции – меньшевики, хотя и с некоторыми оговорками, но принимали пораженческую платформу в новой войне. Отвергая для эмиграции такую политику, которая «могла бы быть понята, как ориентация на войну», они в тезисах «Задачи и тактика РСДРП в эмиграции» подчеркивали: «Русская демократическая эмиграция, в случае возникновения новой войны, развязанной Сталиным, занимая по отношению к советскому правительству пораженческие позиции, сможет полностью определить свою политическую линию только в зависимости от того, каковы будут цели обороняющих ее демократических держав в отношении России во время войны» [17]. Впрочем, эта оговорка – поддержка Запада только в том случае, если он будет ставить в войне с СССР не захватнические, а идеологические (ликвидацию коммунистического режи-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-59-51004 «Роль диаспоральных сообществ в социально-экономическом и культурном развитии России и Кореи в XX в. (на материалах сообществ русских эмигрантов в Кореи и корейской общины Урала)».

ма) цели – была характерна практически для всех антикоммунистических эмигрантских группировок, определявших свою позицию в случае начала Третьей мировой войны.

Дискуссии в лагере антикоммунистической эмиграции вызвал вопрос о возможности участия эмигрантов в войне на стороне противников СССР. Учитывая опыт Второй мировой войны, формирования власовской армии, деятели военной эмиграции обсуждали проблему того, каким должен быть выбор российского зарубежного офицерства в грядущей войне. По некоторым данным, отдельные эмигранты не ограничивались поддержкой действий США в прессе, а пытались принять и непосредственное участие в военных действиях в Корее. Советский историк А.А. Стрелко приводил факты вербовки в Латинской Америке добровольцев из русских эмигрантов для участия в Корейской войне в составе частей Д. Макартура [15, с. 126]. Источники свидетельствуют, что среди погибших на Корейской войне американских солдат и офицеров были и представители российской диаспоры, например, сын казачьего полковника С.В. Болдырева В.В. Болдырев [6, с. 83].

Вместе с тем, весьма осторожным подходом к этой проблеме отличалась одна из крупнейших организаций бывших власовцев – Союз воинов освободительного движения (СВОД). Реагируя на циркулировавшие в диаспоре слухи о возможности формирования русских частей в антикоммунистической армии, Военный Совет СВОД выпустил следующее постановление: «Если эта интернациональная армия будет формироваться по принципу французских легионов и использоваться на подавление восстаний и путчей (хотя бы и коммунистических) где-то в Новой Зеландии или на о. Куба, то пропагандировать за вступление русских антибольшевиков в такую армию не стоит» [1, с. 14-15]. Фактически в данном случае лидеры СВОД выражали отрицательное отношение к опыту функционирования в годы Второй мировой войны русских вооруженных формирований под немецким командованием.

В качестве альтернативного варианта, который, как им казалось, только и мог привести к позитивным результатам, выдвигалось возрождение РОА, во главе которой должны были стоять русские офицеры. При этом важным фактором объявлялось наличие у армии четко выраженной и открыто объявленной программы – освобождение России от большевизма. Впрочем, в личной переписке власовцев можно обнаружить свидетельства осознания ими самими того факта, что идея создания некоего аналога РОА в конкретных условиях начала войны в Корее вряд ли была осуществима. Было очевидно, что США вряд ли пошли бы на этот шаг на тех условиях, о которых говорило руководство СВОД.

В антикоммунистической прессе предпринимались попытки представить США как защитников свободы и демократии, не имевших никаких экспансионистских замыслов. Так, например, некоторые российские монархисты заявляли, что американцы проводили мирную политику, «ничего и никого не собираются завоевывать и никого не собираются грабить. Дают независимость Филиппинам, ведут в общем разумную политику в оккупированной Японии и вели бы очень разумную политику в оккупированной Германии, если бы им не мешали Англия, Франция и Советы» [12]. Аналогичные мысли высказывал и известный «перебежчик» Г. П. Климов, которого в целом трудно упрекнуть в симпатиях к США и политике Запада. Заявляя, что Запад после окончания Второй мировой войны стремился исключительно к миру, он подчеркивал, что в случае начала нового глобального конфликта вся вина ляжет на Советский Союз [8, с. 617].

Среди тех, кто восторгался действиями американских политиков и военных в период войны в Корее, были даже иерархи Зарубежной православной церкви. Например, архимандрит Константин (в миру – К.И. Зайцев, в прошлом известный публицист, соратник П.Б. Струве), вспоминая события 1950-1953 гг. на Корейском полуострове, позднее писал: «Полным голосом говорила тут гражданская мудрость и ярко сияла военная доблесть американцев» [9]. Наиболее лестных эпитетов на страницах эмигрантской прессы удостоился генерал Д. Макартур. Характерно, что генерал Белой армии В. Замбржитский (в 1919 г. – генерал-майор, генерал для поручений при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникине), подробно разобрав с точки зрения военного тактического искусства действия Д. Макартура в Сеульской операции, заявил, что тот «спас честь великого американского народа в борьбе с мировым злом» [4]. Неслучайно эту положительную оценку генералу Д. Макартуру дал представитель высшего офицерского состава Белой армии. Известны и другие положительные характеристики американского генерала, исходившие от ветеранов Белого движения. Они подчеркивали наличие у офицерского корпуса различных государств некоторых общих черт, которые позволяют им находить точки соприкосновения интересов. Указывая на закономерность того, что генерал Д. Макартур стал «символом национальной идеи», один из лидеров объединения русских солдат и офицеров в эмиграции – Суворовского союза – Е. Месснер отмечал: «Офицеры – националисты по призванию» [10].

Подобные В. Замбржитскому и Е. Месснеру эмигранты рассматривали Д. Макартура прежде всего как бескомпромиссного антикоммуниста, сторонника решительных действий в Корее. Снятие его с поста руководителя военными операциями в Корее в 1951 г. воспринималось

антикоммунистической эмиграцией как очередное свидетельство нерешительности политической элиты США, ее склонности к компромиссам с социалистическим лагерем. Именно эти особенности интеллектуальной и политической элиты либерально-демократической цивилизации Запада вызывали у многих деятелей Русского зарубежья наибольшее отторжение. Д. Макартур же воспринимался как человек совершенно иного плана, обладавший «простой, естественной, человеческой и единственно правильной философией». Заметим, кстати, что трудно в полной мере согласиться с позицией известного британского историка международных отношений П. Кальвокоресси, заявлявшего: «Эффектное увольнение Макарура вызвало такой переполох, что его значение не сразу было понято. А оно состояло в том, что корейская война должна закончиться компромиссом» [7, с. 139]. На наш взгляд, анализ эмигрантской прессы убедительно показывает, что именно такой вывод сделали авторы многих изданий Русского зарубежья сразу же после получения информации об увольнении американского генерала.

Одновременно эмигрантские публицисты этого направления стремились доказать, что значительная часть населения США поддерживала решительную линию Д. Макарура: «Национальный герой Америки, по все видимости, не останется в одиночестве, но будет поддержан широкими слоями американского народа» [5]. Любопытно, что в исследованиях некоторых отечественных историков можно найти подтверждения этому тезису. Так, известный военный историк полковник П.И. Пасхальный указывает, что, согласно опросу Института Гэллага, в 1951 г. 49 % американцев были согласны с идеей Д. Макарура применить атомное оружие в Корее [14, с. 67].

Впрочем, в эмигрантской прессе, симпатизировавшей Д. Макаруру, высказывалось и мнение о том, что осторожная политика администрации Г. Трумэна также была вполне понятна и обоснована. Некоторые публицисты, приветствуя решимость Д. Макарура покончить с влиянием коммунизма в Азии, одновременно указывали на то, что по-своему прав и президент США, стремившийся предотвратить Третью мировую войну. Осторожная линия американской администрации была вызвана, в частности, наличием не слишком надежных союзников – прежде всего Франции и лейбористской Великобритании [11]. В то же время Советский Союз держал своих сателлитов в Центральной и Восточной Европе под полным контролем.

Приветствуя решимость Д. Макарура вытеснить коммунистические силы с Корейского полуострова военными методами, эмиграция вспомнила и о важности

пропагандистского обеспечения антикоммунистической борьбы. Именно поэтому одобрение вызывали высказывания тех американских политиков, которые, будучи такими же, как Д. Макартур, бескомпромиссными антикоммунистами, обращали внимание на эту составляющую государственной политики. Речь шла, в частности, о сенаторах Ноуланде и Уили [2]. Особую известность приобрел У. Ноуланд, получивший за свою позицию по китайскому вопросу даже характерное прозвище «сенатор из Формозы». По замечанию американского историка Х. Брандса, несмотря на экстремистские взгляды У. Ноуланда, точка зрения последнего «отражала мнение миллионов американцев» [16, р. 176].

После отставки Д. Макарура политика администрации США в Корее неоднократно вызывала неодобрение в российской эмигрантской прессе. Эмигрантские публицисты полагали, что политики и дипломаты препятствовали решительной победе над коммунистическими войсками, «связывая руки» военному командованию. Задолго до окончания боевых действий ими был сделан вывод о неэффективности стратегии изматывания, «утомления противника потерями».

Позиция этой части российской диаспоры не изменилась и по прошествии времени, когда стали очевидны последствия мирного урегулирования в Корее по варианту 1953 г. Ретроспективно оценивая ситуацию, некоторые эмигранты склонялись к тому, что применение оружия массового уничтожения было для США и западных демократий единственно правильным выходом из той непростой ситуации. Известный деятель власовской эмиграции, протоиерей Димитрий Константинов писал в 1985 г. Ю.К. Мейеру: «Генерал Макартур был прав. США, обладая абсолютным военным превосходством, применив хотя бы в ограниченной дозе атомное оружие, сокрушили бы и корейцев, и китайских «добровольцев»... Не было бы разделения и Панмунчжонского позора, и главное, после такого решения проблемы не было бы войны во Вьетнаме...Корея явилась прелюдией Вьетнама...Вы скажете – жертвы. Но их было бы не больше, а меньше, чем во Вьетнамской войне» [3, л. 1].

Таким образом, анализ источников показывает, что большинство эмигрантских политических группировок в условиях Корейской войны занимали непримиримую позицию, отказываясь идти на какие-либо уступки СССР и его союзникам. Фактически эмигранты подталкивали США к эскалации напряженности в мире, выступая за применение против Советского Союза широкого арсенала средств, в том числе и самых современных видов вооружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник связи власовцев. Каракас, 1954. № 4.
2. Голос народа. Мюнхен, 1951. 21 января.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 10037, оп. 1, д. 92.
4. Замбржитский В. Контрудар Макарура в Корее // Часовой. Брюссель, 1950. № 303. С. 6.
5. За правду. Буэнос-Айрес, 1951. 21 апреля.
6. Казачий словарь-справочник. Кливленд, 1966. Т. 1.
7. Кальвокоресси П. Мировая политика. 1945-2000. М., 2003. Кн.1.
8. Климов Г.П. Песнь победителя. Краснодар, 2002.
9. Константин, архимандрит. Близ есть, при дверех // Православная Русь. Джорданвилль, 1955. № 8. С. 10.
10. Месснер. Националисты по призванию // Суворовец. Буэнос-Айрес, 1951. 26 мая.
11. Наш путь. Мюнхен, 1951. № 4.
12. Наша страна. Буэнос-Айрес, 1950. 15 апреля.
13. Оболенский В.А. Тридцать восьмая параллель // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1951. 4 марта.
14. Пасхальный П.И. США: ядерная политика и народ. М., 1992.
15. Стрелко А. А. Славянское население в странах Латинской Америки. Киев, 1980.
16. Brands H.W. Cold warriors. Eisenhower's Generation and American Foreign Policy. New York, 1988.
17. International Institute of Social History (IISH). Boris Dvinov collection. Folder 7.

© Антошин Алексей Валерьевич (alex_antoshin@mail.ru), Антошин Валерий Алексеевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

